

ТЕЛЕВИДЕНИЕ ФРАНЦИИ В ПЕРИОД «РЕВОЛЮЦИИ СОЗНАНИЯ» 1968 Г.

И.И. Волкова, к. филол. н.,
доцент кафедры массовых коммуникаций,
Российский Университет дружбы народов

Н.В. Шариф-заде., студент,
Российский Университет дружбы народов

Более 45 лет назад во Франции случились студенческие волнения, вошедшие в историю как «Красный май–68». Вместе со студентами бастовало 10 миллионов трудящихся всех отраслей и профессий. Особую роль сыграли СМИ, и как напишут потом аналитики, сложилась ситуация, когда «опустел парламент, страной управляло телевидение» (4). Как это было?

С конца 1950-х годов во Франции наблюдалось бурное развитие телевидения. Если в 1960 году в стране насчитывалось 1,9 миллионов телевизоров, то за десять лет их количество приблизилось к 11 миллионам (6, с. 123). Из-за огромного интереса аудитории к телевидению правящие круги Франции взялись реформировать телевизионную систему. Генерал де Голль, едва став президентом республики, «издал ордонанс об ожидаемом в течение многих лет статуте РТФ (Радио Телевидение Франции)» (4), но уже в 1964 году подверг РТФ перестройке, в результате возникает ОРТФ (Управление французского радиовещания и телевидения) – государственная радиотелевещательная организация (5). Де Голль объединил все службы радио и телевидения под своим политическим контролем, ОРТФ стали называть «голосом своего хозяина» («La voix de son maitre»). «На редакторов французского государственного телевидения постоянно оказывалось давление со стороны его высокопоставленных опекунов, министров, дипломатов,

главы государства и главы правительства. Аппараты прямой телефонной связи были установлены в кабинетах руководителей учреждений, осуществляющих прямой контроль над программами ОРТФ» (1, с. 141). Звонки от руководителей носили далеко не рекомендательный характер, это были инструкции и предписания: «Не говорите об этом» или «говорите об этом как можно меньше» (1, с. 141). Особенно остро это было заметно во время майских событий 1968 года, волнений студенчества в Париже и Нантере.

Правительство активно пыталось скрыть масштабы протеста. «Контролировавшиеся из Елисейского дворца телевизионные новости почти ничего не сообщали о происходящем. Их внимание было обращено на забастовки на предприятиях и на проблемы с нехваткой бензина.<...> Не было и намека на то, чтобы показать события так, как они происходили. Манифестантов если и показывали, то только без прямой записи звука. Если и показывали кадры насильственных действий, акцент делался на их последствия, например на сгоревшие автомобили <...> Но никогда не давали слова студентам, не объясняли причины, которые привели к их протестам» (7, с. 23). Редакции телевизионных журналов также должны были как можно меньше говорить о платформе объединения левых сил, и как можно больше о ее критике со стороны Помпиду. Использовался механизм контрпрограммирования: резкие выступления председателя Федерации объединенных левых сил Франсуа Миттерана по первой программе ТВ перекрывалось захватывающими кинобоевиками по второй программе (1, с. 142).

Персонал телевидения переживал эту ситуацию так же тяжело, как и манифестанты, большинство не устраивала такая зависимость от власти. Телевизионные журналы «Панорама» и «Пять колонок на первую полосу» даже пытались отправлять съемочные группы на места событий,

чтобы показать манифестации на экранах, но их информация тут же подвергалась прямой цензуре. 10 мая за 45 минут до выхода в эфир была запрещена программа «Панорама», поскольку дала слово непосредственным участникам событий, студентам и профессорам. Это стало последней каплей: 11 мая журналисты стали открыто говорить о скандальном уклонении телевидения от обязательств информирования общества и об ущербе, который наносит сообществу тележурналистов политика ОРТФ, а 13 мая журналисты присоединились к участникам всеобщей забастовки. В рядах демонстрантов по улицам Парижа прошли сотни работников всех служб ОРТФ. Телестудии опустели, манифестанты скандировали: «Свободу информации!». Даже в такой ситуации оставшиеся в ОРТФ сотрудники продолжали зачитывать сухие официальные коммюнике. Дошло до того, что 13 мая общественные телеканалы сообщили только о 171 000 протестующих, хотя на самом деле в митинге приняли участие более миллиона бастующих, среди которых были и журналисты. «Правительство не замедлило объявить забастовку сотрудников ОРТФ «незаконной», пыталось оказать давление на журналистов с целью восстановить нормальное функционирование своего крупнейшего пропагандистского аппарата» (1, с. 143). Но это только усугубило ситуацию, и 18 мая было принято решение о бессрочной забастовке, которая продлилась 8 недель. «Стремясь разъяснить большему количеству населения причины этой беспрецедентной во Франции забастовки, журналисты, продюсеры и артисты ОРТФ организовали митинги–спектакли одновременно в 9 парижских театрах и в 14 городах провинции. В заполненных до краев зрительных залах им выразили свою поддержку десятки тысяч французов» (1, с 143).

12 июня правительство запретило проведение демонстраций и распустило главные оппозиционные организации. К середине июля забастовочные движения полностью прекратились. «Красный май» в итоге был проигран, но студенты и журналисты все-таки добились существенных результатов. События мая–июня 1968 года вызвали политическую реакцию, отчетливо проявившуюся в результатах парламентских выборов, был законодательно повышен социальный статус студента, а имидж де Голля как «сильного человека» подорван; была ликвидирована пропасть между студенчеством и рабочим классом (8). Государственное телевидение стало трибуной для де Голля 7 июля, когда он оценил «Красный май»: «Этот взрыв был вызван группами лиц, бунтующими против современного общества, общества потребления, механического общества – как восточного, так и западного – капиталистического типа. Людями, не знающими, чем бы они хотели заменить прежние общества, и обожествляющими негативность, разрушение, насилие, анархию, выступающими под черными знаменами» (2). Через сорок с лишним лет российский историк В.Раков скажет иначе: «В 68-м произошла не социальная и не политическая революция, а *революция сознания*. Думаю, что Прага 89-го, как и Москва 91-го, были бы невозможны без Парижа 68-го» (3). Телевидение во всех этих событиях играло важнейшую роль. Но каждый раз – разную, в зависимости от редакционной политики СМИ.

Литература:

1. Вачнадзе Г.Н. Печать Пятой республики 1958–1968 гг. М., 1969. – 166 с.
2. Миронин С. Кто стоял за бунтом во Франции – 1968? // URL: <http://www.analysisclub.ru/index.php?page=social&art=2638> (дата обращения 10.10.2014)
3. Раков В. Май 68-го: инициация в постсовременность // Пермский Государственный университет. 2007, с. 6

4. Сабов А. Уроки мятежа // URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/3107/> (дата обращения: 11.10.2014)
5. Сафонов И.И. Франция: еще одна реформа телевидения и радиовещания // Вестник Московского ун-та. Сер. 10 «Журналистика», 1975, № 6, с. 93
6. Шарончикова Л.В. Пресса Франции в меняющемся мире, 1944–2004 гг. М., 2007. 440 с.
7. Шарончикова Л.В. Радиовещание и телевидение Франции в период социально–политического кризиса 1968 года. // «Меди@льманах», 2009, № 3. С. 22–26
8. Тарасов А. In memoriam anno 1968. // URL: http://scepsis.ru/library/id_550.html (дата обращения 10.10.2014)